

**ГРАЖДАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТАХ СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Теоретические модели политической культуры многообразны [1, 2]. Есть ли среди них модель, адекватная политической системе демократии и способствующая поддержанию демократической стабильности? «Государственные деятели, стремящиеся создать политическую демократию, часто концентрируют свои усилия на учреждении формального набора демократических правительственных институтов и написании конституции. Но для развития стабильного и эффективного демократического правления требуется нечто большее, нежели определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от политической культуры. Если она не способна поддерживать демократическую политическую систему, шансы последней на успех невелики» [3, 128]. Эти слова Г. Алмонда и С. Вербы подтверждает и общественная жизнь многих современных постсоветских государств. Трудности становления демократии во многом обусловлены именно отсутствием политической культуры демократического типа, ибо и наши политики, и рядовые граждане, и институты нередко действуют (в большинстве случаев неосознанно) в соответствии с императивами политической культуры, корни которой уходят в прошлое.

Нами предпринимается попытка раскрыть сущность феномена «гражданской политической культуры», проанализировать динамику его онтологического статуса, а также обосновать необходимость его использования в категориальном аппарате современной политической науки. Новизна представленного материала выражается в том, что он представляет собой синтез классических концепций «гражданской культуры», сформулированных Г. Алмондом — С. Вербой и Г. Экстайном в 60-х гг. XX в., и современных теорий наиболее авторитетных в данной области исследователей Р. Инглхарта и Р. Патнэма [4—7].

Вопрос о том, что способствует, а что мешает существованию устойчивых демократий возник в связи с образованием новых государств на территории бывших колоний после Второй мировой войны и был рассмотрен Г. Алмондом и С. Вербой в их сравнительном исследовании [4]. В этой работе сформулиро-

вана одна из наиболее влиятельных и по сей день концепций гражданской культуры.

Авторы концепции (Г. Алмонд и С. Верба) утверждали, что это не умозрительная конструкция, а действующая модель, воплощенная в политической культуре Великобритании и США. Демократический политический строй, утвердившийся в данных странах, в западном научном сообществе воспринимался как реализация «идеальной модели» демократии, а, следовательно, и все составляющие данных политических систем, в том числе и политическая культура, выступали в качестве модели (примера) для подражания. Отсюда следовал очевидный вывод: национальные государства, строящие демократичное общество и адекватную ему политическую культуру, должны ориентироваться на США и Англию.

Но Г. Алмонд и С. Верба не скопировали характеристики политической культуры США и Великобритании, а опирались на некоторые существенные, типичные ее черты. В целом теория «гражданской культуры» соответствовала принципам веберовского «идеального типа» [8], которые применили эти авторы при конструировании других политико-культурных моделей и ныне многочисленные исследователи рассматриваемого феномена. И если модель гражданской культуры была принята значительной частью международного сообщества в качестве исследовательской парадигмы, пусть далеко не бесспорной, то именно потому, что она выходила за пределы одной страны, одной национальной культуры и фиксировала устойчивые черты, типичные для политического сознания и поведения либерально-демократического общества.

Гражданская культура, согласно мнению Г. Алмонда и С. Вербы, — это особый тип политической культуры, способствующий эволюционному развитию демократичного общества и его политической системы. То есть, это смешанная культура, в которую входят элементы приходской культуры, где доминирует приверженность «корням» и отсутствует осведомленность о государстве в целом; подданнической культуры, подразумевающей пассивное отношение человека к политической системе; и культуры участия, в которой члены общества ориентированы на систему в целом [3, 133–134].

Другими словами, гражданская культура включает и «более древние ориентации» (самоуправление и подчинение), возникшие в традиционном (первобытном, античном и средневековом обществе), так и новые ориентации (участие), появившиеся в условиях современного (индустриального и постиндустриального) общества. В этой связи Г. Алмонд и С. Верба подчеркивают, что новый путь принятия решений через участие граждан не столько подменяет старый способ осуществления процесса управления, сколько дополняет его. Прежние элементы культуры модифицируются, адаптируются к меняющимся условиям жизни людей. Из наследия прошлого сохраняется то, что представляет ценность сегодня. Отсюда разнородный характер элементов гражданской культуры, баланс активности и пассивности, согласия и разногласия, включенности и индифферентности, заинтересованности и аполитичности, приверженности и недоверия.

Из классической типологии политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы [4] следует, что именно культура участия представляет собой наиболее полное и последовательное выражение политической культуры демократического общества. Однако американские авторы придерживаются иной логики. Демократия, рассуждают они, — это «смешанная» политическая система, пронизанная внутренними противоречиями. А значит, адекватная ей политическая культура (*civic culture*) может быть только смешанной. В противном случае она не сможет включить граждан, придерживающихся разных культурных ориентаций, в политический процесс и обеспечить стабильное развитие политической системы.

Г. Алмонд признает большое влияние, которое при написании «Гражданской культуры» на него оказала теория демократической стабильности Г. Экстайна [5], в которой главенствует мысль, что для нормального существования

демократической политической системы необходима смесь открытых противоречий или «уравновешенное неравенство». С одной стороны, демократическое правительство должно осуществлять управление государством, т.е. обладать полнотой власти, состоять из общепризнанных политических лидеров и принимать важные решения. С другой стороны, оно должно нести ответственность за свои действия перед гражданами. Следовательно, если демократия — это не пустой звук, правящие элиты должны прислушиваться к пожеланиям и потребностям рядовых граждан. Необходимость поддерживать данное равновесие между полномочиями власть имущих и их ответственностью, а также равновесие между консенсусом и расколом, одобрением и апатией, существующими в обществе, и объясняет тот факт, что сложная смесь политических идей, приписываемых гражданской культуре, свойственна демократической системе.

В более поздних работах Г. Экстайн пишет, что политическая культура является продолжением других образцов общественных отношений, для которых характерен общий уровень «гражданской вовлеченности» в общественную жизнь [9, 10].

Говоря о гражданской культуре, Г. Экстайн отмечает [10], что, во-первых, демократическая политическая культура сосуществует и, вероятно, основана на более общей культуре, в которой можно выделить две наиболее важные составляющие. Одна из них — это высокое социальное доверие и ответственность, другая — то, что можно назвать «гражданственностью», под которой он подразумевает тенденцию участников социального процесса действовать скорее «по горизонтали», т.е. совместными усилиями многих равных участников, чем «по вертикали», т.е. по образцу иерархических взаимоотношений. Во-вторых, демократическая политическая культура опирается на хорошо развитую общественную жизнь, а именно: на наличие всевозможных объединений и ассоциаций, что является отличительным признаком общества, которое принято считать «гражданским». Общество, таким образом, можно рассматривать как школу, где люди учатся демократическому гражданству и демократичным способам управления. Отсюда следует, что политическая демократизация — это демократизация общественной жизни в широком смысле, предполагающая массовое признание обществом демократических политических ценностей, а также внедрение в политическую жизнь деятельности многообразных политических структур, принципов политического плюрализма и толерантности.

Смешанный характер гражданской культуры обуславливает наличие внутреннего баланса противоречий, перенесенных из сферы властных отношений в сферу политической культуры. Это баланс между властью и ответственностью правящих элит, равно как и между политической активностью и пассивностью граждан. Другими словами, демократия основана на примирении крайностей и соблюдении меры в политике. Необходим для эффективного функционирования демократии и баланс прагматических и эмоциональных политических ориентаций.

Следующий «кит», на котором держится гражданская политическая культура, — баланс между политическим согласием и разногласиями, поддерживаемый на уровне рядовых граждан и на уровне элит. Без согласия по ключевым вопросам невозможно мирное разрешение политических споров и успешное функционирование демократических институтов. Последние также не способны эффективно действовать в ситуации отсутствия в обществе политических разногласий: ведь демократия предлагает возможность выбора между альтернативами.

Чтобы демократия эффективно функционировала, также необходим баланс между инструментальными, или прагматическими и эмоциональными политическими ориентациями. В интересах сохранения контроля граждан над политическими элитами и контролируемой ими системой «лояльность по отношению к ним не должна быть полной и безусловной», а участие в политике — «ни чисто инструментальным, ни эмоциональным» [11, 14].

Система демократических балансов формируется во многом стихийно: за счет непоследовательности установок, которых придерживаются граждане (а массовое политическое сознание всегда непоследовательно), несоответствия между установками сознания и реальным поведением, индивидуальных различий между людьми и их интересами.

Таким образом, гражданин в стране с гражданской политической культурой является потенциально активным. Он не выступает как постоянный участник политического процесса, редко активен в политических группах, но при этом обладает резервом потенциальной влияния и полагает, что в случае необходимости может мобилизовать свое социальное окружение в политических целях. Гражданин, живущий в такой стране, в большей степени склонен поддерживать на высоком и постоянном уровне политические связи, входить в какую-либо организацию и участвовать в неформальных политических дискуссиях. Эти виды деятельности сами по себе не указывают на активное участие в процессе принятия политических решений, но делают такое участие более вероятным [12, 116 — 117].

Завершая моделирование теоретической конструкции — гражданской политической культуры — Г. Алмонд и С. Верба подытоживают [13]: в демократическом обществе складывается довольно сложная и вместе с тем динамичная система сбалансированных политико-культурных ориентаций. Такой представляли американские теоретики перспективу развития современных демократических систем и соответствующих им политических культур. В настоящее время современная демократия — это сложнейшая сеть институтов с многообразными каналами представительства и центрами властного принятия решений. По этим причинам ее следует рассматривать не как «режим», а как совокупность «частных режимов», каждый из которых институционализирован вокруг особого участка общества для представления той или иной социальной группы и разрешения свойственных ей конфликтов [14, 19].

Важно иметь в виду, что гражданская культура — «это не единственная разновидность демократической культуры». В современных условиях наряду с представительной демократией и соответствующей гражданской культурой существует общественная демократия (*consociational democracy*), или демократия соучастия согласно А. Лейпхарту [15].

Данному типу демократии соответствует особый тип политической культуры, которую можно назвать культурой сотрудничества. Этот способ политического действия основан на сочетании таких разнородных ориентаций, как автономия и партнерство, взаимное вето и компромисс, пропорциональность и приоритетность. Культура сотрудничества обеспечивает стабильность и эффективность демократической политической системы в странах, население которых разделено по этническому, религиозному или региональному принципу. Традиционная модель представительной демократии не может обеспечить согласование социальных интересов и эффективность управления. В то же время следует подчеркнуть, что демократия соучастия не заменяет, а дополняет представительную демократию точно так же, как культура сотрудничества не заменяет, а дополняет гражданскую культуру [16, 237].

Вместе с тем и гражданская культура, и разновидности политической демократии варьируются от одной страны к другой. Это логично. Если современная демократия многообразна, то многообразной должна быть и соответствующая ей политическая культура.

Начало 90-х гг. XX в. отмечается пробуждением интереса к содержанию и составляющим элементам гражданской культуры в ее классическом варианте (модели Г. Алмонда — С. Вербы) [4] и в моделях Р. Инглхарта [17] и Р. Патнэма [7, 19]. Это обусловлено, в первую очередь, теми изменениями, которые произошли в странах Западной Европы и США в связи с переходом от индустриального общества к постиндустриальному. И, во-вторых, с процессами, протекавшими в странах Центральной и Восточной Европы, а также на простран-

стве бывшего Советского Союза, получившие название «третьей волны демократизации».

Так, Р. Инглхарт обратил внимание на важную роль ценностных ориентаций, трансформация которых во многом обусловила переход от общества Модерна (индустриального общества) к обществу Постмодерна (т.е. информационного или постиндустриального) [18, 19]. Кроме того, анализ исследователя выявляет противоречивость ценностей в странах Восточной Европы и бывшего СССР, совершающих переход к демократии.

Рассматривая объективные изменения в мире, обусловленные экономическим улучшением условий жизни населения стран Запада, распространением демократических политических институтов во всем мире, Р. Инглхарт отмечает некоторые общие тенденции в изменении ценностных установок современных обществ. Во-первых, существуют устойчивые культурные ценности и установки, сходные для большинства стран. Во-вторых, граждане государств с высоким уровнем жизни, межличностного доверия, терпимости и т.д. более склонны к тому, чтобы принять и поддержать демократические институты, чем страны с низкой степенью этих показателей. В-третьих, развитие демократии не ставится в прямую зависимость от экономического роста, поскольку взаимодействие осуществляется опосредовано — через социальную структуру и политическую культуру.

По мнению ученого, такие составляющие политической культуры, как удовлетворенность жизнью, толерантность, взаимное доверие, институциональное доверие, общественная активность, социальные связи и интерес к политике обуславливают развитие демократии на современном этапе [20, 103].

Итак, по Р. Инглхарту, демократия объективно более устойчива в тех странах, где есть реальные условия, позволяющие людям считать себя благополучными, быть довольными жизнью и испытывать доверие друг к другу. Реальная (эффективная) демократия — скорее следствие, нежели причина сдвига в сторону ценностей самовыражения в массовом масштабе. Демократию невозможно учредить с помощью лишь институциональных перемен или манипуляций правящей элиты, ее можно осуществить, лишь изменив ценностные установки и убеждения граждан [21, 111–112].

Р. Патнэм с иных позиций рассматривает формирование гражданской политической культуры. Центральным тезисом его концепции: развитие демократической политической культуры обусловлено достижением высокого уровня экономического развития общества. Он вводит понятие «социального капитала» для выявления влияния традиций гражданской культуры на политический процесс. Под «социальным капиталом» ученый понимает особенности «общественной организации, такие как социальные сети, социальные нормы и доверие (networks, norms and trust), создающие условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды» [19, 78]. Исследуя взаимозависимость культуры и экономического благосостояния различных сообществ, Р. Патнэм приходит к выводу, что не материальное благополучие является причиной развития социального капитала, а наоборот — экономический рост происходит в тех странах, где развита гражданственность. Именно социальный капитал, воплощенный в нормах и гражданских обязательствах, является предпосылкой экономического развития и эффективного политического управления.

Каким образом социальный капитал позволяет достичь эффективного управления и экономического прогресса? Прежде всего, сеть гражданских обязательств создает благоприятные условия для выполнения твердых норм всеобщего взаимодействия, т.е. человек, помогая другому, ожидает, что тот поступит точно так же. Общество, основанное на всеобщем взаимодействии, считает Р. Патнэм, гораздо результативнее, чем общество всеобщего недоверия, по той же причине, что в экономике деньги — более эффективный инструмент, чем бартер. Доверие, по его мнению, является необходимой смазкой для успешного функционирования механизмов общественной жизни.

Таким образом, рассмотрев ряд современных западных концепций гражданской культуры, можно отметить, что политическая культура демократии воплощает классический принцип единства многообразия, обеспечивающий устойчивость политической системы, в которой действуют разнонаправленные политические силы, сталкиваются разные позиции, установки и т.п. Эта модель ценна тем, что носит не исключающий, а включающий характер, обеспечивая взаимоуравновешивающее (хотя и не обязательно равное, пропорциональное) участие в политическом процессе всех его субъектов.

Политико-культурный методологический подход к исследованию феномена гражданской политической культуры с учетом последних изменений в современном политическом пространстве и в каждом конкретном политическом сообществе является действенным инструментом познания закономерностей развития общества. Политическая жизнь, взятая во всем ее многообразии, стимулирует развитие новых понятий, дополняющих и развивающих классические концепции Г. Алмонда, С. Верба [4–13], Л. Пая [22] и др. Беря за основу модели гражданской культуры вариант, предложенный Г. Алмондом и С. Вербой, следует помнить, что он, как и их общая концепция политической культуры, нуждается в коррекции, позволяющей преодолеть рамки бихевиоралистской традиции, в русле которой данный вариант сформировался [6; 17; 18; 21].

Современные теоретики политической культуры (Р. Инглхарт, Р. Патнэм [7; 19], Ф. Фукуяма [23] и др.) связывают существенные изменения в области неинституциональных политических явлений с экономическим развитием и ростом материальной составляющей жизни современных обществ. Это, безусловно, акцентирует внимание на установлении более тесной зависимости между экономическим благосостоянием общества и его граждан и возможностями проведения демократических политических реформ. Кроме того, увеличивается влияние рациональных объективных механизмов на процесс формирования и развития гражданской политической культуры.

До настоящего времени гражданская культура рассматривалась как баланс характерных для той или иной национальной культурной традиции вариантов, т.е. отличающихся друг от друга архетипов и инвариантных общедемократических ориентаций и ценностей, присущих демократической гражданской культуре.

Задача формирования гражданской политической культуры актуальна и для белорусского общества. Но она не может быть решена посредством копирования западных стандартов или искусственного синтеза элементов традиционной политической культуры и культуры, доминирующей в западных странах. Наше общество способно эффективно и целенаправленно содействовать становлению такой культуры через синтез наиболее позитивного политического опыта «старых демократий» и выработки собственного пути политико-культурного развития, основанного на опыте и традициях политического, исторического и социокультурного бытия белорусского сообщества.

Литература

1. Малинова, О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе / О.Ю. Малинова // Полис. — 2006. — № 5.
2. Скок, Н.В. Политическая культура общества: опыт типологизации / Н.В. Скок // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грамад. навук. — 2008. — № 1.
3. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полит. исслед. — 1992. — № 4.
4. Almond, G.A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G.A. Almond, S. Verba. — Princeton NJ: Princeton University Press, 1963.
5. Eckstein, H.A. Theory of Stable Democracy / H.A. Eckstein. Research Monograph № 10. — Princeton, NJ: Princeton University Center National Studies, 1961.
6. Inglehart, R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics / R. Inglehart. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977.

7. *Putnam, R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy / R. Putnam Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
8. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прорпесс, 1990.
9. *Eckstein, H.A.* Unfinished Business: Reflection on the Scope of Comparative Politics / H.A. Eckstein // Comparative Political Studies. — 1998. — Vol. 31. — N 4.
10. *Eckstein, H.A.* A Culturalist Theory of Political Change / H.A. Eckstein // American Political Science Review. — 1988. — Vol. 82. — N 4.
11. *Баталов, Э.* Политическая культура России сквозь призму civic culture / Э. Баталов // Pro et Contra. — 2002. — Т. 7. — № 3.
12. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сб. учеб. материалов / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. — М.: ИНФРА-М: Весь мир, 2001.
13. *Almond, G.A.* The Civic Culture Revisited / G.A. Almond, S. Verba. — Boston, 1980.
14. *Шмиттер, Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии / Ф. Шмиттер // Полис. — 1996. — № 5.
15. *Лейпхарт, А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт; пер. с англ. / под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. — М.: Аспект Пресс, 1997.
16. *Артемюв, Г.П.* Политическая социология / Г.П. Артемюв. — М.: Логос, 2002.
17. *Inglehart, R.* Modernization and Postmodernization: Culture, Economic and Political Change in 41 Societies / R. Inglehart. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
18. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. — 1997. — № 4.
19. *Патнэм, Р.* Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь / Р. Патнэм // Мировая экономика и междунар. отношения. — 1995. — № 4.
20. *Вельцель, Х.* Человеческое развитие и «взрыв» демократии: вариации изменений режимов среди 60 обществ / Х. Вельцель, Р. Инглхарт // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1.
21. *Инглхарт, Р.* Культура и демократия / Р. Инглхарт // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу; под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. — М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002.
22. *Pye, Lucian W.* Political Culture and Political Development / Lucian W. Pye, Sydney Verba. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.
23. *Фукуяма, Ф.* Социальный капитал / Ф. Фукуяма // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общечеловеческому прогрессу; под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. — М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002.